

• ,

XIX

Т. Т. ТАЖИБАЕВ

**ПРОСВЕЩЕНИЕ
И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

**КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Алма-Ата — 1962

В книге на основе богатейших архивных источников г. Алматы, Оренбурга, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Казани, Уфы, Омска и некоторых областных архивов Казахстана впервые дается полное описание системы общего и профессионально-технического образования в Казахстане в XIX веке, раскрываются специфические особенности школьной системы по различным областям, приводятся также данные о церковно-приходских и мусульманских школах, об обучении взрослых. На конкретных фактах иллюстрируется прогрессивное значение присоединения Казахстана к России в области культуры.

Работа является частью многолетнего монографического исследования автора: «Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века».

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX века имеет исключительно большое значение в развитии просвещения и школьного образования в Казахстане. После завершения окончательного присоединения Казахстана и Средней Азии к России и проведения административных реформ в 1867—1868 и 1891 годах в Казахстане объективно создались благоприятные условия для развития просвещения и школьного образования не только среди русского населения (русского казачества и крестьян-переселенцев), но и среди казахского населения. Если до 60-х годов на территории Казахстана господствовали главным образом мусульманские конфессиональные школы, то в последующий период начинают создаваться и развиваться русско-казахские школы.

Но наряду с этим колонизаторская политика царизма отрицательно отражалась на развитии культуры казахского народа и особенно на развитии народного образования среди казахского населения, что в свою очередь не могло не влиять отрицательно и на образование русских трудящихся. Говоря о том, что «инородцы» в России поставлены в «условия жизни, еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека», В. И. Ленин писал: «Угнетение «инородцев» — палка о двух концах. Одним она бьет «инородца», другим русский народ»¹.

Изучая историю просвещения и школьного образования в Казахстане во второй половине XIX века, мы строго придерживались исторической правды, не скрывали и не замазывали реакционной сущности политики царского правительства, отдельных его учреждений и деятелей в отношении образования казахов. В то же время мы пы-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 216.

тались показать, что то же царское правительство, многие учреждения и деятели объективно способствовали развитию просвещения и школьного образования в Казахстане.

Мы стремились анализировать наследие прошлого с позиции марксизма-ленинизма, подходили к нему не как бесстрастные летописцы, а искали в наследии прошлого передовое и прогрессивное, осуждая все отсталое и реакционное.

Произведения основоположников марксизма-ленинизма, а также соответствующие директивы КПСС служили направляющей методологической основой в нашем исследовании.

Ввиду разобшенности территории Казахстана в дореволюционный период мы не могли рассчитывать на наличие общих обзоров, монографических исследований и сводных данных о состоянии просвещения и школы во всем Казахстане за исследуемый период. Кроме того, мы не могли не учитывать того, что более или менее солидные исследования в области просвещения и школьного образования в Казахстане принадлежали главным образом людям, которые находились на службе царского правительства и в какой-то степени проводили политику русификаторства и миссионерства. Правда, многие из них честно трудились на поприще просвещения и объективно помогали развитию просвещения и школьного образования в Казахстане.

Данное монографическое исследование построено главным образом на основе архивных источников, хранящихся в архивах Алма-Аты, Ташкента, Ленинграда, Москвы, Казани, Уфы, Омска, а также отдельных областей Казахстана.

Обращают на себя особое внимание следующие архивные фонды:

— в *Центральном государственном историческом архиве Казахской ССР* (г. Алма-Ата) — фонды областного правления оренбургскими киргизами, Временного Совета по управлению Внутренней киргизской Ордой, начальника Алатавского округа и пристава киргизов большой Орды (1848—1867 гг.), Семиреченского областного правления, инспектора народных училищ Семиреченской области, инспектора народных училищ Внутренней киргизской Орды, Тургайского статистического коми-

тета, Управления киргизами Сыр-Дарьинской линии, заведующего переселенческим управлением Семиреченской области, фонды Верненского, Туркестанского, Джаркентского и других уездных управлений, фонд отдельных учебных заведений, особенно 92, 93, 95, 129, 139, 140, 143 и другие;

— в *Центральном архивном управлении Узбекской ССР* (г. Ташкент) — фонды Управления учебными заведениями Туркестанского края, инспектора народных училищ, Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора;

— в *Оренбургском областном архиве* — фонды Пограничного отдела Канцелярии Оренбургского военного губернатора за 1800—1881 гг., Канцелярии директора народных училищ Оренбургской губернии за 1868—1918 гг., Канцелярии попечителя Оренбургского учебного округа, Тургайского областного правления за 1871—1918 гг., Оренбургского гражданского губернатора и др.;

— в *Центральном государственном историческом архиве г. Ленинграда* — фонды Департамента народного просвещения, Главного управления училищ, Ученого комитета Министерства народного просвещения и др.;

— в *Центральном государственном архиве ТАССР* (г. Казань) — фонды Канцелярии попечителя Казанского учебного округа;

— в *Центральном государственном архиве БАССР* (г. Уфа) — фонды Канцелярии Уфимского губернатора, попечителя Оренбургского учебного округа, директора народных училищ Оренбургской губернии;

— в *Омском областном государственном архиве* — фонд № 3.

Нами просмотрены также соответствующие фонды в научном архиве Академии педагогических наук РСФСР, Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, рукописных отделов библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также некоторых областных архивов Казахстана.

Большой фактический материал имеется в отчетах учебных округов, учебных инспекторов, руководителей учебных заведений, генерал-губернаторов и военных губернаторов, постановлениях Государственного Совета и Министерства народного просвещения, приказах и цир-

кулярах учебных округов, статистических сборниках, в обзорах, памятных и справочных книжках областей, в адрес-календарях, известиях и записках отделений Русского географического общества, отчетах статистических комитетов, в материалах различных совещаний и съездов по вопросам просвещения, отчетах епархиальных советов и миссионерских обществ, а также в разнообразных периодических изданиях. Широко использованы уставы, учебные планы, программы и инструкции учебных заведений, а некоторые из них даны в приложении к данной книге. Используются также учебники и учебные пособия, составленные разными авторами.

Большую услугу оказали автору библиографические издания, составленные А. Е. Алекторовым¹, В. И. Межовым², Ф. Шперка³, А. Н. Харузиным⁴, И. И. Зайковским⁵ и другими авторами, а также «Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях», Спб., ч. 1, 1878 г.; ч. 2, 3, 1879 г.

Из литературных источников, как наиболее серьезных исследований в области просвещения и школы в Казахстане во второй половине XIX века, представляют большой интерес труды А. Е. Алекторова, П. А. Анопова, А. В. Васильева, С. М. Граменицкого, Н. И. Ильмингова, В. Недзвецкого, Н. П. Остроумова, С. Г. Рыбакова и А. Харузина.

А. В. Алекторов в «Очерках народного образования в Тургайской области», Летопись, 1744—1898 гг., вып. 1,

¹ Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 984.

² Туркестанский сборник статей и сочинений, относящихся до Средней Азии вообще и до Туркестанского края в особенности, т. 1, 2 Спб., 1878—1887. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири... т. 1, 2, Спб., 1891 и т. 3, 1892. Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на рус. яз. и одних только книг на иностранном яз., касающихся отношений России к азиатским государствам, т. 1. Спб., 1891, стр. 230.

³ Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 гг. вкл. Спб., 1892, стр. 249.

⁴ Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов с 1734 по 1891 гг. (Этнографическое обозрение, 1891, кн. IX, № 2); «Киргизы Букеевской Орды (антрополого-этнографический очерк)», 1889 г.

⁵ Библиография по истории Чкаловской обл., т. I. Чкалов, 1949, рукопись.

2 и 3, Оренбург, 1900 г. (277 стр.), дает большой фактический материал по народному образованию в Тургайской области, приводит выдержки из указов, уставов, положений, инструкций, учебных планов и программ учебных заведений. В конце книги даны «Статистические ведомости о народных училищах и частных учебных заведениях за 1898 гражданский год».

Некоторые данные о состоянии народного образования в Тургайской области можно найти в книге А. В. Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» (Оренбург, 1896).

В книге И. А. Анопова «Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России» (Спб., 1889) имеются некоторые сведения о профессионально-техническом образовании в Казахстане.

С. М. Граменицкий в своих работах «Очерк развития народного образования в Туркестанском крае» (Ташкент, 1896) и «Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области» (Ташкент, 1916) и Н. П. Остроумов в книгах «К истории народного образования в Туркестанском крае», «Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877—1881)» (Ташкент, 1899), «Мусульманские мектебы и русско-туземные школы в Туркестанском крае» (Ташкент, 1906) и др. дают несколько подробное описание состояния народного образования в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края.

В книге В. Недзвецкого «Школьное дело» (1899) имеется ряд конкретных фактов, относящихся к истории школьного образования в Семиречье, а также сводные данные о числе школ и учащихся в области за 1888 и 1899 годы. Отвечая на корреспонденцию из Верного, помещенную в № 49 газеты «Русский Туркестан» за 1899 год, в которой отмечался упадок и печальное состояние школьного образования в Семиреченской области, автор, как преданный слуга царизма, задался целью «рассеять то неблагоприятное впечатление, которое произвело на многих это сообщение», и оправдать исключительно неудовлетворительное состояние школьного образования в области.

Некоторые сведения о состоянии народного образования в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях можно почерпнуть в «Проекте всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г.— 25 марта 1881 г.», Спб., 1885, 503 стр.

С. Г. Рыбаков в статьях «Нужды народного просвещения» («Народное образование», 1889, кн. I и II) и «Просвещение инородцев» («Астраханский Вестник», 1899, № 2964) дает некоторые сведения о школах Внутренней (Букеевской) казахской орды.

Н. И. Ильминский являлся одним из идеологов русификаторства и миссионерства среди нерусских народностей. Но он был одним из тех деятелей, кто объективно способствовал развитию грамотности и народного образования среди казахского населения. В его работах «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам» (Казань, 1883), «Воспоминания об И. А. Алтынсарине» (Казань, 1891) и др. имеется ряд ценных высказываний об образовании казахов.

История школ и педагогической мысли в дореволюционном Казахстане освещена в советской историко-педагогической литературе лишь частично.

Одним из серьезных исследований в этом отношении является работа А. С. Ситдыкова «Педагогические идеи и просветительная деятельность И. Алтынсарина» (Алма-Ата, 1949). Но, ставя перед собой ограниченные цели, автор, естественно, не мог подробно остановиться на вопросах истории школ всего Казахстана. Поэтому данная им характеристика общественно-педагогического движения в 60-х годах в России и его влияния на И. Алтынсарина, обзор народного образования в отдельных областях Казахстана, а также описание «дальнейших судеб русско-казахских школ» являются несколько схематичными и далеко не полными, а в некоторых случаях допущены фактические неточности.

В работе А. Ф. Эфирова «Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири (исторический очерк)» (Москва, 1948) даны некоторые сведения о школах Внутренней (Букеевской) орды, Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей.

В 1960 году изданы «Очерки по истории народного

образования в Туркестане» К. Е. Бендрикова, в которых освещаются вопросы развития школьного образования в Туркестане с 1865 по 1917 год. В «очерках» имеются некоторые общеизвестные факты, касающиеся школ Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, которые входили в состав Туркестанского края. «Очерки» построены главным образом на основе литературных источников. Автором использованы материалы Центрального архивного управления Узбекской ССР; богатый материал, хранящийся в других архивах, к сожалению, не нашел отражения.

Ряд ценных данных, имеющих отношение к вопросам истории просвещения и педагогической мысли в Казахстане, можно найти в трудах некоторых советских авторов (Х. Г. Айдаровой, К. Бейсембаева, Е. Б. Бекмаханова, С. З. Зиманова, А. Х. Маргулана, Т. Е. Сулейменова, С. Е. Толыбекова и других), опубликованные за последние годы по вопросам истории политического и экономического строя, а также общественной мысли Казахстана. Большую пользу исследователю могут оказать полное собрание сочинений Абая Кунанбаева, избранные произведения И. Алтынсарина (1957 г.) и Ч. Валиханова (1958 г.) в дореволюционный период.

По вопросам истории школ Казахстана в дореволюционный период, начиная с 30-х годов, было защищено несколько кандидатских диссертаций.

✓Ш. К. Кокумбаев в диссертации «Русско-киргизская (казахская) школа»¹, защищенной в 1937 году, исходит из ошибочной предпосылки, пытаясь «вскрыть миссионерско-русификаторскую сущность педагогических идей, взглядов, деятельности» не только Ильминского, но и Алтынсарина и «показать, какими средствами эти «просветители» достигали своей цели».

Автор ошибочно рассматривал присоединение Казахстана к России как только колонизаторское завоевание края царским правительством и совершенно не увидел прогрессивной роли этого факта. Реакционное феодально-монархическое восстание Кенесары Қасымова он охарактеризовал как национально-освободительное движение казахского народа.

¹ Научный архив Академии педагогических наук РСФСР, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 35г.

Наряду с Н. И. Ильминским автор причислил А. Е. Алекторову, В. В. Катаринского и И. Алтынсарина к числу идеологов и организаторов русификаторских школ, ничего не говоря о прогрессивном влиянии общественно-педагогической мысли России на развитие просвещения и педагогических идей в Казахстане. Говоря о педагогических идеях и деятельности И. Алтынсарина, автор писал: «Все это вполне совпадает с установками, направлениями и позициями царского самодержавия в вопросе «просвещения» казахского народа. Поэтому мы имеем все основания причислить Алтынсарина к группе проводников русификаторских идей и целеустремлений самодержавия и считать педагогические воззрения и деятельность Алтынсарина в области просвещения реакционными в целом, несмотря на отдельные и частичные положительные моменты в его деятельности»¹.

Автор ошибается, когда пишет о «недоброжелательном и несочувственном отношении к русско-киргизской школе со стороны широких масс казахского народа»². Автор не нашел ничего прогрессивного в русско-казахских школах, считая, что они носят в себе «печать насилия и полицейского режима», что они были отравлены «в качественном содержании ядом миссионерско-русификаторской политики, национальной вражды и т. д.»³

Конечно, ошибочность такой трактовки не выдерживает никакой критики и не имеет ничего общего с марксистско-ленинским отношением к наследию прошлого. Несмотря на то, что диссертация была защищена 25 лет тому назад, мы не можем пройти мимо ошибочных положений автора в отношении И. Алтынсарина и русско-казахских школ.

Кандидатская диссертация Л. П. Герасимовой «Из истории педагогического образования в Казахстане», защищенная в 1950 году, посвящена истории учительских семинарий. Она относится, главным образом к началу XX века, так как из описанных ею семи учительских семинарий только две (Омская и Туркестанская), а также Оренбургская учительская школа существовали во вто-

¹ Научный архив Академии педагогических наук РСФСР, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 35 г. лл. 56—57.

² Там же, л. 87.

³ Там же, л. 90.

рой половине XIX века. Все остальные были созданы в начале XX века.

Кандидатская диссертация И. Я. Гармс на тему «Народное образование среди казахов дореволюционной России»¹ (1958) по сравнению с многими другими исследованиями является более обстоятельной. Но она охватывает слишком большой промежуток времени, что не могло не отразиться отрицательно на полноте исследования, на использовании, обработке и анализе большого фактического материала. Несмотря на то, что автор дает в основном правильные выводы, в работе преобладают общие рассуждения, а обобщающие данные о численности школ, учащихся, учителей и других показателях школьного образования по всей территории Казахстана не даны. Автором не указана специфика школьного образования в разных областях Казахстана. Кроме того, им не использованы богатые архивные источники г. Ташкента, Ленинграда, Москвы, а также отдельных областей Казахстана.

В автореферате докторской диссертации Ф. Ф. Шамахова «Школа Западной Сибири в конце XIX — начале XX века» (1958) приводятся некоторые факты из истории школы Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей в конце XIX века, так как эти области вместе с Томской и Тобольской губерниями входили в состав Западно-Сибирского учебного округа.

К истории школьного образования в Казахстане имеют некоторое отношение кандидатские диссертации М. Ф. Думенко «Русско-туземные школы Туркестанского края» (1953), В. Т. Кочарова «Из истории организации и развития школьной сети в Туркестанском крае» (1960), Д. Урумбаева «Очерки по истории народного просвещения и школы в Каракалпакии» (1949) и некоторые другие, в которых в известной мере затрагиваются общие вопросы истории возникновения и развития русско-туземных школ в Туркестанском крае, а в некоторых из них дается определенный фактический материал по школам Сыр-Дарьинской области.

Известно, что историки, экономисты, философы, юристы, литераторы и представители некоторых других наук проделали большую работу по изучению экономики,

¹ Архив Академии педагогических наук, Москва.

государственного строя, развития общественной мысли и литературы дореволюционного Казахстана. Но изучение истории общественной мысли и культуры Казахстана не может быть полным без изучения истории просвещения, школы и развития педагогической мысли, что, к сожалению, поставлено совершенно неудовлетворительно. Мы будем считать выполненной поставленную перед собой задачу, если наше исследование в какой-то степени восполнит имеющийся в этом отношении пробел.

Предлагаемая вниманию читателей книга является второй частью исследования автора на тему «Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века», над которой автор работает на протяжении многих лет. В первой части монографии, опубликованной в 1958 году¹, были изложены социально-экономические предпосылки развития просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века. В ней были освещены вопросы прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, влияние общественно-педагогического движения в 60-х годах в России на развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане, а также реакционная политика царизма в области образования казахов. Предмет третьей части монографии составит развитие педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века, а именно: вопросы языка обучения, светского и религиозного образования, классического и реального образования, женского образования, учебников и учебных пособий, а также отдельные вопросы педагогики и психологии. Сюда же войдет освещение педагогических идей казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева.)

В ходе исследования автору пришлось несколько изменить первоначальный план расположения частей монографии. В данной работе излагается система не только общего, но и профессионально-технического образования в Казахстане во второй половине XIX века.

(Система школьного образования в Казахстане являлась составной частью общероссийской школьной системы. Но здесь, как и в других национальных окраинах, существовали две системы школ: одна — для русского

¹ Т. Т. Тажибаев. Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века, ч. I. Алма-Ата, 1958.

населения; а другая — для нерусского населения (русско-казахские, аульные, старшинские, мусульманские школы). Кроме того, особенности исторического и экономического развития Казахстана в целом и, в частности, его отдельных областей накладывали определенный отпечаток на развитие просвещения и школьной системы. Учитывая специфические особенности развития школьного образования в различных областях, автор счел целесообразным расположить материал по отдельным областям, входящим в различные учебные округа. Это, с одной стороны, несколько усложнило работу и повысило ответственность за полноту и достоверность фактического материала. С другой стороны, это дало возможность обобщить фактический материал по областям и вывести основные показатели школьного образования в пределах всего Казахстана.)

[На наш взгляд, изложение материала по областям, кроме некоторого удобства, имеет практический смысл в изучении истории развития культуры вообще и, в частности, развития народного образования в отдельных областях Казахстана. Во всех главах книги, за исключением первой, дается изложение системы светских школ как правительственных, так и общественных. Религиозные же школы (церковно-приходские и мусульманские), а также и образование взрослых освещаются только в первой главе, где говорится об общем состоянии просвещения и системы школьного образования в Казахстане.]

Публикуя вторую часть своего многолетнего труда, автор приносит большую благодарность работникам архивов, а также всем лицам, которые оказывали ему всевозможное содействие в завершении настоящей работы.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Школы — это главные пружины образования киргизов..., на них и в особенности на них надежда; в них и будущность киргизского народа.

И. АЛТЫНСАРИН.

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Реформа 1861 года способствовала быстрому развитию не только промышленности в России, но и науки и просвещения. В «Истории полувековой деятельности императорского русского географического общества» (1845—1895 гг.) дана совершенно правильная характеристика развитию русской национальной культуры. «После 1861 года,— говорится в «Истории...»,— вся Россия вместе с Географическим обществом пошла уже несомненно по пути своего национального развития: быстро подвинулись вперед на истинно национальной почве русская наука и искусство, возродилось много научных сил, которых дотоле между русскими было далеко не достаточно, возникли новые ученые Общества»¹.

Общественно-педагогическое движение в 60-х годах дало толчок к развитию просвещения в России. Это новое веяние из центра России постепенно распространялось и на национальные окраины. На территории Казахстана с 70-х годов начали создаваться отдельные научные общества и учреждения, общественные библиотеки и читальни, музеи; начали проводиться публичные чтения. Создавались также отдельные общества по оказанию содействия развитию народного образования.

В 1868 году был создан Туркестанский статистический

¹ История полувековой деятельности императорского русского географического общества (1845—1895 гг.), ч. I. 1896, стр. 23.

комитет, который издал 5 томов «Материалов для статистики Туркестанского края». С 1887 года начали организовываться областные статистические комитеты. Во второй половине XIX века, особенно в его начале, форт Перовского, основанный в 1853 году, и город Верный, основанный в 1854 году, явились опорными пунктами для проведения географических, геологических и этнографических экспедиций на Тянь-Шань, в Семиречье и Среднюю Азию. Не раз экспедиции Семенова-Тян-Шанского и других исследователей Средней Азии и Казахстана базировались в этих городах. Туркестанский отдел Русского географического общества, созданный в 1897 году, организовал ряд экспедиций по исследованию Аральского моря под руководством проф. Л. С. Берга, в результате которых было издано 13 выпусков «Научных результатов Аральской экспедиции». В Туркестанском крае были также организованы Туркестанский отдел Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1870), отдел Российского общества садоводства (1885), Туркестанский кружок любителей археологии и др.

Туркестанский отдел Русского географического общества являлся одним из его шести отделов, а Семипалатинский подотдел — шестым подотделом Общества.

Общественные библиотеки начали открываться в Казахстане с 1883 года, когда Семипалатинский областной статистический комитет решил сделать свою библиотеку, находившуюся в г. Семипалатинске, общедоступной для населения. В библиотеке были книги 175 наименований в 260 томах, до 200 номеров различных журналов, а также значительное количество «сырого материала» в виде отчетов и протоколов различных научных обществ, комиссий и т. п. Кроме того, библиотеке было передано около 900 названий различных предметов естественно-исторического, этнографического и археологического характера, находившихся в музее, созданном по инициативе секретаря Статистического комитета Е. П. Михаэлиса.)

Общественные бесплатные читальни в Тургайской области начали открываться в 90-х годах. В уставе Кустанайской бесплатной народной читальни, утвержденной министром внутренних дел 23 января 1892 года, говорится: «Кустанайская бесплатная народная чи-

тальня утверждается с целью доставить населению города доступное, разнообразное и полезное чтение по всем отраслям человеческого знания». Читальня содержалась на средства Общества попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах (организовано в 1891 году).

24 декабря 1876 года правительством были утверждены «Правила для устройства народных чтений в губернских городах». Согласно этим правилам народные чтения в губернских городах разрешались попечителем учебного округа по предварительному соглашению с местным губернатором. Надзор за ходом чтения возлагался на директоров народных училищ, а при отсутствии последних, по усмотрению попечителя, — на одного из инспекторов. Для публичного чтения допускались лишь «сочинения, одобренные для этой цели» ученым комитетом Министерства народного просвещения. Опасаясь того, что публичные чтения могут «возмутить» умы слушателей, в правилах строго указывалось на то, что «назначенные для публичного чтения сочинения не произносятся, а читаются по тексту, без всяких изменений и дополнений». «Если чтение сопровождается опытами или объясняется картинками, то допускаются разъяснения тех или других на словах, не выходя из предела содержания текста»¹.

Приказом Туркестанского генерал-губернатора в 1876 году была образована Постоянная комиссия для устройства народных чтений в г. Ташкенте под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской области. По предложению Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана с 1880 года преподаватели Ташкентской гимназии начали проводить педагогические беседы среди родителей учащихся.

В деле оказания материальной помощи учебным заведениям известная работа была проделана Институтом почетных блюстителей, который начал учреждаться в Тургайской области, начиная с 80-х годов.

В 1891 году было организовано Общество попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах Тургайской области.

В 1900 году в г. Верном было создано «Общество рев-

---

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, «Управление учебными заведениями Туркестанского края», л. 22, л. 20.

нителей просвещения», куда вошло около 120 человек. Общество ставило целью распространение просвещения в среде всех народностей, русских и туземцев. Общество проводило народные чтения, а в 1901 году организовало воскресную школу, которую посещало 92 человека, в том числе 37 русских, 23 казаха, 12 татар, 10 узбеков, 5 уйгур, 4 дунгана и 1 цыган¹.

Состояние просвещения и школьной сети в Казахстане, а также характер их развития во второй половине XIX века соответствовали политике царского правительства в отношении «образования» казахов.

До организации кадетских корпусов еще в конце XVIII века, в 1786 году, в г. Омске была основана «азиатская школа» для подготовки переводчиков, куда также могли приниматься казахи.

Но первая правительственная школа специально для казахских детей была открыта по рескрипту Екатерины II от 28 февраля 1789 года при мечети у Менового двора г. Оренбурга в 1789 году. Школа была мусульманской, находившейся под надзором правительства, с имамом, муэдзином, каиманом и мударисом во главе. В ней обучали детей грамоте и началам мусульманской религии. На содержание школы из Уфимской казенной палаты отпускалось 2 007 рублей. Контингент школы был установлен в 64 человека, но обучалось детей в ней всегда меньше. Например, в 1808 году ее посещало всего лишь 12 казахских мальчиков. Школа не пользовалась популярностью среди казахского населения. Ввиду ветхости школьного здания ученики были переведены в Сеитовскую и Каргалинскую слободу, находившуюся от Оренбурга в 18 верстах.

Школа при Меновом дворе, как и некоторые другие школы, открытые при мечетях, существовали недолго, так как они были безжизненными.

Первым учебным заведением в Оренбургской губернии, куда разрешался доступ казахским детям, был Неплюевский кадетский корпус, основанный в 1825 году. Первыми его воспитанниками были дети казахов из Внутренней орды. В 1840 году в корпусе было установлено 10 стипендий для детей «почетных» казахов, то есть казахских султанов, биев и старшин Внутренней орды, а затем еще

¹ См.: «Обзор Семиреченской области за 1901 год», стр. 32.

20 стипендий для детей казахов Оренбургского ведомства

Выпускники кадетского корпуса — казахи устраивались на различные административные должности в степи. Таким образом, предоставление специального военного образования казахским детям оказалось бесполезным, так как казахское население на военную службу не принималось.

В 1851 году Неплюевский кадетский корпус окончило 37 человек, из которых 32 человека были определены в войсковые части офицерами и 5 человек — унтер-офицерами. Среди выпускников было 7 казахов, преимущественно дети султанов, биев и старшин, а именно: Арслангирей Букейханов — сын султана Внутренней казахской орды, Султанмахмут Джантюрин — сын султана восточной части Внутренней казахской орды, Зюлкарней Нуралиханов — сын султана Внутренней казахской орды, Мухамеджан Бекмухамедов — сын бия Внутренней орды, Султан Чалабаев — сын бия восточной части Орды, Мухамедсалих Бабажанов — сын старшины-есаула Внутренней орды, Мурзагалий Сангрыков — сын старшины Внутренней орды и Юсуф Ниязов — сын хорунжего Внутренней орды. Из этих лиц еще до окончания кадетского корпуса четверо имели чины младших унтер-офицеров (Ниязов, Бекмухамедов, Букейханов и Бабажанов). Из числа казахов-выпускников курс обучения окончили двое с «лучшим успехом», трое — с «удовлетворительным» и трое со слабыми успехами (Джантюрин, Сангрыков и Нуралиханов).

В 1866 году кадетский корпус был переименован в Неплюевскую военную гимназию, в связи с чем стипендии для казахских детей были отменены. Последние могли поступить в гимназию на общих основаниях: дети офицеров — на казенное содержание, дети «потомственных дворян» — своекоштными.

Другим учебным заведением, куда разрешался доступ казахским мальчишкам, являлся Омский кадетский корпус, который был преобразован из «войскового казачьего училища», созданного в 1826 году. Как и в Оренбургский кадетский корпус, сюда принимались дети казахской феодальной верхушки. Здесь с 1847 по 1853 год учился первый казахский просветитель Чокан Валиханов.

Наряду с кадетскими корпусами, куда разрешался

доступ детям привилегированной верхушки казахского населения, царское правительство, учитывая настоятельные просьбы казахов, вынуждено было открыть специальные школы. Такими были казахская школа в Ханской Ставке Внутренней (Букеевской) казахской орды, открытая в 1841 году, и казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии, открытая в 1850 году. Несколько позже была открыта русско-казахская школа в г. Уральске.

Несмотря на требования жизни, царское правительство всячески тормозило открытие казахских школ даже тогда, когда инициатива в их открытии исходила от царских чиновников казахов — правителей степи. Об этом ярко свидетельствует история с организацией школы при ставке управляющего восточной частью Орды Ахмета Джантюрина.

Как видно из письма Пограничной комиссии на имя Оренбургского военного губернатора от 2 сентября 1849 года, Ахмет Джантюрин еще в 1845 году просил Пограничную комиссию разрешить ему открыть при его ставке казахскую школу. Свою просьбу он мотивировал тем, что «киргизы вверенной ему части орды по дикости и значительной отдаленности кочевьев от г. Оренбурга не решаются определять детей своих в имеющуюся быть открытой при Комиссии школу, что, между тем, необходимость в грамотных людях, которых чрезвычайно немного в его части, слишком велика...»¹

Председатель Пограничной комиссии, как указывается в письме, понимая эту нерешительность временной, свойственной вообще киргизам, неохотно принимающим всякое нововведение до тех пор, пока опыт и время не убедят их в пользе его, рекомендовал Ахмету Джантюрину обождать до открытия школы при комиссии, после чего, если обстоятельства не переменятся, войти с особым представлением².

Несмотря на то, что Положение о школе было утверждено еще 14 июня 1844 года, ее открытие было задержано. 22 февраля 1849 года Джантюрин снова обратился к председателю Пограничной комиссии с просьбой об открытии школы при его ставке. Он писал, что время не

¹ Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 1.

² Там же.

устранило причин, побуждающих к открытию казахской школы, что «открытия ее желают почти все киргизы его части», то с организацией такой школы все богатые ордынцы не будут больше поручать обучение своих детей полуграмотным татарским и башкирским муллам, «которые, исполняя вообще дурно свою прямую обязанность, успевают внушать детям понятия неблагоприятные и вредные»¹, а будут определять их в предполагаемую к открытию казахскую школу.

Школа рассчитывалась на 40 детей. Курс школьного обучения должен был ограничиться «чтением и письмом на русском и татарском языках», «толкованием основных начал магометанской веры», а также «четырьмя первыми действиями арифметики на счетах». Учитель русского языка должен был назначаться правительством, а учитель татарского языка и его помощник — из «уважаемых и знающих людей магометанского духовного звания». Срок обучения предполагался три года с представлением желающим возможности остаться в школе еще на один год. Учебные пособия должны были приобретаться за счет казны. Общий расход на содержание школы на первый год определялся в 930 рублей. Пищу и одежду мальчики должны были иметь свою, лишь на питание бедных детей предусматривалось 120 рублей в год.

Султан Джантюрин обязался обеспечить поступление благотворительных пожертвований от казахов, обеспечить сооружение кибиток для летнего помещения учителя и учащихся, а также арб для перекочевок. Далее он сообщил, что если правительство не выделит средств для организации школы, то эти средства могут быть найдены путем самообложения казахского населения.

Предполагалось, что более способные учащиеся по окончании ими этой школы будут определены в школу при Пограничной комиссии, а остальные — на должности письмоводителей при родоправителях, дистанчных и местных начальниках.

Пограничная комиссия поддержала ходатайство Ахмета Джантюрина. «Повергая все это на усмотрение Вашего превосходительства, — говорилось в письме Пограничной комиссии на имя оренбургского военного губернатора, — Пограничная комиссия обязывается доло-

¹ Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 2.

жить, что мысль управляющего восточной частью Орды открыть при ставке заведение, которое, распространив в Орде грамотность и, познакомив киргиз с видами образования детей и заохотив их к этому, в то же время приготовить способных воспитанников в Неплюевский корпус и школу при комиссии, она находит совершенно полезно и основательно, что осуществление этой цели, по ее мнению, для Восточной части в особенности необходимо, ибо, во-первых, в этой части значительно меньше грамотных людей, нежели в других частях, что, естественно, должно иногда ставить правителя в затруднение при желании исполнять распоряжения начальства в надлежащей полноте и отчетливости, во-вторых, султан Ахмет Джантюрин справедливо обвиняет своих киргиз в дикости и неохотном пользовании теми выгодами, которые дает им для образования детей правительство...»¹ В письме также отмечалось, что в казахской школе при Пограничной комиссии из восточной части Орды обучается лишь 5 детей и что эта школа в скором времени не может принести для восточной части «ожидаемых результатов». Кроме того, комиссия, указывая на незначительность расходов для школы, писала: «Пограничная комиссия находит, что исполнение просьбы султана Джантюрина и с этой стороны удобоисполнимо и возможно». Комиссия просила открыть школу на правах приходских училищ.

Однако Оренбургский военный губернатор генерал Обручев не поддержал ходатайство Ахмета Джантюрина и Пограничной комиссии. Обручев в своем письме к министру иностранных дел Л. Г. Сенявину от 11 октября 1849 года, излагая сущность просьбы А. Джантюрина, а также сообщая положительное мнение Пограничной комиссии об открытии казахской школы, писал: «...я со своей стороны не нахожу, чтобы учреждение при ставке султана правителя школы было столь полезно, как полагает комиссия, ибо, во-первых, успехи в русском языке будут самые ничтожные по неимению практики, что один предполагаемый русский учитель вознаграждать никак не может, а во-вторых, утверждение этого предположения подало бы повод к подобному же ходатайству со стороны прочих султанов правителей и тогда во вновь учрежденную при Пограничной комиссии школу едва ли ордынцы

¹ Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 16.

захотят уже отдавать детей своих, имея возможность воспитывать их в глазах своих в школе при ставке султана правителя»¹.

Как видно, военного губернатора беспокоило не отсутствие школ и не необходимость учреждения новых школ для обучения казахских детей, а забота лишь бы укомплектовать единственную школу, учреждаемую при Пограничной комиссии, в которую в то время было найдено лишь 10 кандидатов.

На такое представление не замедлил ответ из министерства иностранных дел.

В письме министра на имя Обручева от 21 ноября 1849 года мы читаем: «Разделяя по сему предмету мысли Вашего превосходительства, я вообще нахожу вышеизъясненную меру об учреждении школы при ставке султана правителя восточной части Орды (когда еще не открыта школа при Пограничной комиссии) рановременной и потому полагал бы приостановиться всякими на счет сего распоряжениями. Тем не менее, можно бы, по моему мнению, объявить султану Ахмету, что хотя начальство и не признает теперь удобным привести в исполнение его предложение, но, во всяком случае, видит в оном новое доказательство его усердия и желания споспешествовать благим намерениям правительства»².

Получив такое указание, генерал Обручев поспешил сообщить его содержание Оренбургской пограничной комиссии.

Таким образом, одна из первых попыток открыть казахскую школу в среде казахского населения потерпела неудачу.

Нет сомнения, что ходатайство Ахмета Джантюрина об открытии школы является некоторым отражением роста потребности среди казахского населения к образованию, по крайней мере более зажиточных слоев населения, которые оказывали соответствующее давление на своих правителей. Подтверждением этому является также большое количество приговоров об открытии школ, которые принимались казахами.

Первая казахская школа с преподаванием русского языка на территории Казахстана была открыта в 1841 го-

¹ Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 16.

² Там же, лл. 12—13.

ду в Ханской ставке Внутренней (Букеевской) казахской орды. Вторая казахская школа была открыта только через 9 лет, в 1850 году в г. Оренбурге при Пограничной комиссии для подготовки детей султанов, биев и зажиточной части казахского населения письмоводителями и переводчиками.

Но эти школы ввиду их ограниченных целей, узкого состава учащихся и дороговизны их не могли удовлетворить потребностей ни казахского населения, ни царской администрации. Поэтому неоднократно вставал вопрос об организации общеобразовательных школ, которые обходились бы недорого и охватывали бы детей более широких слоев казахского населения. Такими школами должны были стать русско-казахские школы, которые начали открываться с 1861 года в г. Троицке и четырех степных укреплениях: оренбургском (г. Тургай), уральском (г. Иргиз); форте № 1 (г. Казалинск) и форте Перовском. Учителями этих школ были первые выпускники Оренбургской казахской школы при областном правлении (Пограничной комиссии).

Главный инициатор организации Троицкой школы первоначальной грамотности председатель областного правления оренбургскими казахами В. В. Григорьев считал, что нет необходимости размножать в России число чиновников увеличением числа общеобразовательных школ вроде гимназий, уездных училищ и кадетских корпусов.

По замыслам Григорьева, Троицкая школа должна была давать казахам лишь первоначальную грамотность, а более способные ученики, оканчивающие эту школу, могли поступать в Оренбургскую казахскую школу при областном правлении. Предлагалось не определять ни срока обучения в школе, ни возраста для приема в школу. Но каждый ученик мог находиться в школе не более четырех лет, после чего он должен был быть исключен из школы. Русские дети могли приниматься в школу в качестве проходящих, а все казахские дети должны были находиться в интернате. Учителями в школу могли назначаться выпускники Неплюевского кадетского корпуса и Оренбургской казахской школы. На первоначальное обзаведение школы рекомендовалось отпустить 250 рублей и на ее ежегодное содержание 1 300 рублей, что и было утверждено правительством.